

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. О. Зиновьев

Лидерство в концепции
коммуникативного государства:
сравнительный анализ
политического дискурса В.В.Путина
и М.Ходорковского

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Zinoviev_lider.pdf

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL:<http://www.civisbook.ru>

А. О. Зиновьев

Лидерство в концепции коммуникативного государства: сравнительный анализ политического дискурса В.В.Путина и М.Ходорковского

I

Цель данной работы – выявить некоторые особенности современной российской публичной сферы на примере анализа ряда статей Михаила Ходорковского и текстов Посланий президента Владимира Владимировича Путина Федеральному Собранию РФ. Эти два образца политического дискурса в современной России, на мой взгляд, обладают особой важностью, как ввиду личностей их авторов, так и по причине интересного соотношения их смысла и социального контекста, в котором они были произведены.

Помимо практического анализа состояния публичной политики в современной России, мне важно «вписать» этот анализ в более широкие рамки методологических проблем дискурс-анализа (здесь я опираюсь на работу Л.Филипс и М.В. Йоргенсен¹, особенно на обсуждение проблемы валидности дискурс-анализа, и на работу Н.Фэркло²) и концепции коммуникативного государства.

Концепция коммуникативного государства развивает идеи Юргена Хабермаса в области политической теории³ и подчеркивает важность, с одной стороны, коммуникативной рациональности, т.е. рациональности, связанной со структурами жизненного мира в практиках агентов, а с

¹ Филипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004.

² Fairclough N. *Analysing Discourse*. London: Routledge, 2003.

³ Habermas J. *Faktizitaet und Geltung*. Frankfurt-am-M.: Suhrkamp, 1994; Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Band I-II. Frankfurt-am-M.: Suhrkamp, 1995; Habermas J. *Political communication in media society – Does democracy still enjoy an epistemic dimension? The impact of normative theory on empirical research*. 2006. // www.icahdq.org/Speech_by_Habermas.pdf.

другой – стратегической рациональности, представленной в практиках агентов. Последняя является преобладающей темой в рассуждениях о государстве от Т.Гоббса до П.Бурдьё. В более привычных терминах всякое государство можно метафорически понимать как диалектику войны и справедливости, где война является метафорой для стратегического действия в смысле Хабермаса, а справедливость – метафорой для коммуникативной рациональности, или коммуникативного действия. В отличие от большинства современных социально-политических концепций государства концепция коммуникативного государства делает акцент на теме справедливости, а не войны, хотя последняя также присутствует, поэтому важно подчеркнуть их диалектику.

Данное исследование учитывает и проблему соотношения микро и макроанализа политических процессов. И здесь ключевое значение имеет встраивание проблематики политического лидерства в концепцию коммуникативного государства. Политические лидеры – это такие агенты (в смысле Пьера Бурдьё⁴), которые имеют ключевое значение для определения специфики логики поля политики в данное время и в данном месте. И я собираюсь показать, как практики политических лидеров отражают и создают макроусловия политической коммуникации, то есть нынешнее состояние публичной сферы в современной России.

На мой взгляд, состояние публичной сферы всегда есть результат деятельности государства, то есть решений политических агентов, исходящих из диалектики войны и справедливости в конкретное историческое время. Иначе говоря, нынешнее состояние публичной сферы создано действиями политических агентов в условиях специфического для современной России соотношения стратегической и коммуникативной рациональности. Это соотношение, по моему мнению, можно описать как «монархическую государственность». Для характеристики того смысла, который я вкладываю в словосочетание «монархическая государственность», приведу цитату из работы С.С. Аверинцева «Поэтика ранневизантийской литературы»: «Прежде всего, отсутствие достаточного уровня структурности общества предопределяет характер власти. «Социальная бесформенность» требует оформления извне. Сам по себе деспотический режим Юстиниана I есть такой же коррелят переходного состояния общества, как новоевропейский абсолютизм XVI-XVIII веков, лежащий между первым подъемом капитализма и его приходом к политическому господству. И там, и здесь неограниченность монаршей власти вытекает из неустойчивости ситуации

⁴ Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.

тяжбы между старым и новым — тяжбы, в которой монарх присваивает себе роль третейского судьи»⁵.

Завершая это «теоретическое введение», можно сказать, что концепция коммуникативного государства — это своеобразная реабилитация «идеалистического» или морального видения политики (в связи с этим см. работы И. Шапиро⁶ и Б. Клинтона⁷), которое, на наш взгляд, в последние время находится в тени стратегического восприятия политической жизни в духе Карла Шмитта.

II

Выше указанные собрания текстов Президента России Владимира Путина и Михаила Ходорковского являются, на мой взгляд, хорошим иллюстрацией актуальности концепта «коммуникативное государство» для анализа текущего политического процесса в современной России. При этом для меня важно уйти от политической злободневности «дела Юкоса» и рассмотреть этот спор в максимально широкой исторической перспективе, как исторический эпизод «эпохи Путина». Для этого проведем параллель с другим знаменитым историческим спором.

Удивительны совпадения между первыми «оппозиционными» текстами Михаила Ходорковского и текстом Первого послания Андрея Курбского Ивану Грозному. Основной тезис первых публичных выступлений Михаила Ходорковского сводился к вопросу об оправданности ликвидации крупнейшей и успешной нефтедобывающей компании «Юкос» («Зачем, царь, сильных во Израиле истребил, и воевод, дарованных тебе богом для борьбы с врагами, различным казням предал...» — пишет Андрей Курбский⁸. При этом Ходорковский старательно уходит от обсуждения собственной судьбы и стремится обсуждать судьбы и интересы большой массы людей, так или иначе связанных с деятельностью компании «Юкос». Это делало риторическую позицию Михаила Ходорковского не только схожей с риторической позицией Андрея Курбского, но и более удачной по сравнению с ней. Суть обеих позиций можно резюмировать как сомнение в справедливости, а значит — и легитимности существующей политической власти.

⁵ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 22. Необходимо также указать и на основной источник моих представлений о «монархической государственности» — описание режима Людовика XIV в работе «Придворное общество» Норберта Элиаса (Элиас Н. Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002).

⁶ Шапиро И. Моральные основания политики. М.: Университет, 2004.

⁷ Клинтон Б. Моя жизнь. М.: Альпина бизнес букс, 2005.

⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1993. С. 119

Именно забота о легитимности своей власти вынудила Ивана Грозного публично ответить на послание Андрея Курбского после того, как оно было тайно обнародовано на территории России⁹. Таким образом, еще одно сходство между этими двумя спорами состоит в их публичном характере. И в вовлеченности в данный спор большого количества заинтересованных участников и общественного мнения страны, а также мирового общественного мнения (в случае с Курбским – общественного мнения Польши).

«Дело «Юкоса»» породило массовый всплеск активности публичной сферы современной России. По сути дела, именно оно стало переломным моментом в формировании идейной оппозиции Президенту Путину, на фоне которой и появились статьи Михаила Ходорковского. Такая реакция публичной сферы на это дело, с одной стороны понятна, а с другой – неожиданна. Популярность Президента Путина явно была и остается выше популярности любого руководителя бизнеса и любой российской компании, можно, поэтому было ожидать, что «дело «Юкоса»» просто «не заметят». Но в этом предположении не учитывается ключевой характер справедливости для нормального функционирования любого государства. Иначе говоря, эффект «дела «Юкоса»» прямо связан с тем комплексом идей, который я связываю с «концепцией коммуникативного государства». Своеобразным «маркером» важности этой темы являются различия акцентов в трактовке «справедливости».

Например, Президент В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию РФ 2006 года говорил: «В основе этого было четкое понимание, что авторитет государства должен основываться не на вседозволенности и попустительстве, а на способности принимать справедливые законы и твердо добиваться их исполнения. Разумеется, мы и впредь будем стремиться к тому, чтобы поднять престиж государственной службы. Будем поддерживать российский бизнес. Но и бизнесмен с миллиардным состоянием, и чиновник любого ранга должны знать, что государство не будет беспечно взирать на их деятельность, если они извлекают незаконную выгоду из особых отношений друг с другом»¹⁰.

А Михаил Ходорковский сходную тематику описывает в совершенно другой тональности: «Так что сегодня перед страной стоят все те же неотвеченные вопросы. Повестка не изменилась. А воля людей к справедливости, к переменам стала тверже и ярче. И пусть 60-

⁹ См.: Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 220-224.

¹⁰ Путин В.В. Послание Федеральному собранию РФ. 10 мая 2006 года // http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372type63374type82634_105546.shtml.

долларовый баррель нефти никого не вводит в заблуждение. Социальные взрывы случаются не там, где экономический крах, а где пришла пора распределять плоды экономического подъема. Не там, где все более или менее равны в нищете, а где 1% богатых и 9% относительно благополучных материально и психологически резко оторвались от 90% бедных и — что еще более важно — униженных. 2 млн. подписей, собранных в мае — июне 2005 г. за всеобщую забастовку российских учителей, — это ли не доказательство того, что стабильность в стране иллюзорна, а "кризис назрел"?»¹¹.

Сформированная в статьях Михаила Ходорковского политическая позиция стала конституирующей для поля политики в современной России, поскольку содержательно и структурно (как видно из сравнения двух вышеприведенных цитат) она является альтернативой политической позиции Президента Владимира Путина, как она выражена в Посланиях Федеральному Собранию. Основной причиной этого политического эффекта стало не только то, что Ходорковский оказался в ситуации, сходной с положением Курбского (который благодаря своей оппозиции с царем вошел в историю), но и особенности социальной позиции и габитуса¹² Михаила Ходорковского. Тексты Михаила Ходорковского — это не только моральный упрек Президенту Путину и современному российскому государству (как сообществу чиновников), но и выражение позиции крупного российского предпринимателя (именно этот момент тщательно подчеркивает Ходорковский в своих текстах), типичного представителя современного российского бизнеса. Причем риторические стратегии Михаила Ходорковского целенаправленно указывают на это качество его текстов. Например, он пишет: «Мы, конечно же, никогда не восхищались властью. Однако мы не возражали ей, дабы не рисковать своим куском хлеба. Смешно, когда ретивые пропагандисты называют нас "олигархами". Олигархия — это совокупность людей, которым на самом деле принадлежит власть, мы же всегда были зависимы от могучего бюрократа в ультралиберальном тысячедолларовом пиджаке. И наши коллективные походы к Ельцину были лишь бутафорией — нас публично выставляли главными виновниками бед страны, а мы и не сразу поняли, что происходит. Нас просто разводили»¹³.

Поэтому можно предположить, что тексты статей Михаила Ходорковского содержат социальные представления, свойственные

¹¹ Ходорковский М. Левый поворот // <http://www.khodorkovsky.ru/speech/3074.html>

¹² См.: Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.

¹³ Ходорковский М. Кризис либерализма в России // <http://www.khodorkovsky.ru/speech/82.html>

современным российским бизнесменам (в силу особенностей габитуса Ходорковского), и эти социальные представления явно входят в конфликт с социальными представлениями российских чиновников, позиции которых выражает Президент Путин (тут важно подчеркнуть, что габитус последнего, видимо, определяется его профессиональным прошлым администратора из силовых структур и, в этом смысле, довольно типичен для современной российской бюрократии). Это тексты «капитана российского бизнеса», которому, в отличие от других «капитанов российского бизнеса» уже нечего терять, и поэтому он может с полной откровенностью высказать за российский бизнес то, что тот боится высказать сам. Конечно, к данным утверждениям, взятым из текстов Михаила Ходорковского, необходимо относиться с осторожностью и вряд ли можно утверждать, что их автор отражает точку зрения всего современного российского бизнеса. Однако многие важные аспекты отношений между полем политики и полем экономики в современной России, глава ЮКОСа умело включил в свою политическую позицию. И это сделало его позицию действительно важной для поля политики в современной России.

После прихода к власти Президента Путина происходил планомерный процесс сужения публичной сферы в современной России, и её трансформации в «репрезентативную публичную сферу» (согласно классификации Ю. Хабермаса¹⁴). Этот процесс содержал в себе лишь реализацию того «монархического конституционализма», который уже содержался в ныне действующей Конституции 1993 года.

Здесь необходимо обратить внимание на еще одно сходство статей Михаила Ходорковского с Посланиями Курбского: дискурсы этих авторов акцентируют внимание на патологическом характере условий, сложившихся в современном им поле политики. Поскольку Иван Грозный работал в условиях легитимной «монархической государственности», чтобы риторически снизить «несправедливость» собственного поведения, ему достаточно было изложить основные положения доктрины самодержавия. Ситуация в современной России существенно иная. Задачей власти является доказать существование в России особого «российского варианта» демократии; этот тезис постоянным рефреном проходит через все тексты Посланий Путина Федеральному собранию, начиная с 2000 года. А это ставит Путина в более сложное положение по сравнению с Иваном Грозным.

¹⁴ Habermas J. Strukturwandel der Oeffentlichkeit. Frankfurt-am-M.: Suhrkamp, 1995. S. 21-35

Социальный и политический контекст «диалога» Президента Путина с Михаилом Ходорковским – а поскольку Ходорковский последовательно опровергал все основные положения Посланий Федеральному Собранию, в некотором смысле можно говорить о «диалоге», – слабо напоминает условия демократической дискуссии. Правда, в условиях демократического правления человек, осужденный за неуплату налогов, вряд ли стал бы публично оспаривать основные положения политики действующего Президента.

В своих статьях Михаил Ходорковский определяет государство и бюрократию, с которыми, отождествляет себя Президент Путин, как противников бизнеса в современной России. Хотя это лишь риторический прием, но он отражает широкие настроения в современном российском обществе. Например, сходные заявления делают лидеры Союза Правых Сил, который является основной «предпринимательской» партией в современной России, к этой же точке зрения склоняются многочисленные экспертные сообщества (см. например - www.liberal.ru¹⁵).

Ходорковский решил бросить вызов современной российской бюрократии явно целерационально (в смысле М.Вебера), то есть с определенным расчетом на успех. Также целерационально Президент В.В.Путин отказался от публичного диалога с Ходорковским, то есть не захотел последовать за успешной риторической стратегией Ивана Грозного. Это решение Президента Путина, безусловно, является тактически правильным, поскольку тем самым он избежал повышения символического статуса статей Ходорковского и увеличения политического капитала последнего, но это решение явно показывает риторическую слабость позиции Президента Путина по сравнению с риторической позицией Ивана Грозного. Уменьшить делегитимационный эффект статей Ходорковского, как это сделал Иван Грозный по отношению к посланиям Андрея Курбского, Президент Путин явно не смог и даже не пытался.

Внушает некоторый оптимизм само возникновение «дела «Юкоса»» и тот факт, что в сложившихся условиях Ходорковский решил написать эти статьи и изложить в них свою критику политической позиции Президента Путина. Но данную победу коммуникативной рациональности справедливости над стратегической рациональностью войны трудно принять за смену тенденции в публичной политике современной России. Показательно, что статьи Ходорковского

¹⁵ См.: Ясин Е. Дело «ЮКОСа»: сеятели страха // <http://www.liberal.ru/article.asp?Num=195>;
Краснов М. Фатален ли персоналистский режим в России? (Конституционно-правовой взгляд) // <http://www.liberal.ru/article.asp?Num=362> и др.

обсуждались исключительно в Интернете. Телевидение, освещая дело Михаила Ходорковского, обходило их стороной, не пытаясь обсуждать или опровергать. Логика репрезентативной публичной сферы требовала создания зоны молчания вокруг оппозиционных высказываний. И здесь уместно вспомнить тактику советских властей по отношению к противникам советского строя, которая, как теперь стало известно, оказалась в конечном итоге неудачной.